

Политологические исследования постсоветского и европейского пространства

УДК 322(470+476)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-60-74

Религиозный фактор и угрозы национальной безопасности России и Беларуси: сравнительный анализ

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В работе проведен сравнительный анализ религиозного фактора в политике национальной безопасности России и Беларуси. Для выявления и концептуализации религиозной составляющей анализируется нормативно-правовая база и институциональные основания политики национальной безопасности двух государств. Показаны схожесть и различия в объектах политики национальной безопасности и угрозах национальной безопасности в тех аспектах, где выявляется наличие религиозного фактора. Делается вывод о том, что в России более расширен по сравнению с Беларусью перечень угроз, связанных с религиозным фактором национальной безопасности. Анализируется концепт религиозной безопасности как составной части политики национальной безопасности. Делается вывод о возможностях использования данного концепта при формировании целей и задач религиозной политики России и Беларуси. Выделяются и анализируются схожие угрозы национальной безопасности – религиозный экстремизм; прозелитизм нетрадиционных для российского и белорусского общества религиозных объединений; размытие традиционных духовно-нравственных ценностей и потеря религиозной идентичности. Показывается общее и особенное в концептуализации указанных угроз. Делается вывод о специфике проявления религиозного фактора при интерпретации угроз национальной безопасности в России и Беларуси.

Ключевые слова: национальная безопасность, религиозная безопасность, религиозная политика, государственно-конфессиональные отношения, Русская православная церковь, Беларусь

Для цитирования: Донцев С.П. Религиозный фактор в политике национальной безопасности России и Беларуси: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 60–74. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-60-74

Religious factor and threats to national security of Russia and Belarus: comparative analysis

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dontsev@gmail.com*

Abstract. The paper presents a comparative analysis of the religious factor in the national security policy of Russia and Belarus. The legal framework and institutional bases of the national security policy of the two states are analyzed in order to identify and conceptualize the religious component. The similarity and differences in the objects of national security policy and threats to national security in aspects where the presence of a religious factor is revealed are shown. It is concluded that in Russia the list of threats related to the religious factor of national security has been expanded in comparison with Belarus. The concept of religious security as an integral part of the national security policy is analyzed. The conclusion is made about the possibilities of using this concept in the formation of the goals and objectives of the religious policy of Russia and Belarus. Similar threats to national security – religious extremism; proselytism of non-traditional for Russian and Belarusian society religious associations; degradation of traditional spiritual and moral values and loss of religious identity—are identified and analyzed. The General and special in conceptualization of the specified threats is shown. The conclusion is made about the specifics of the manifestation of the religious factor in the interpretation of threats to national security in Russia and Belarus.

Keywords: national security, religious security, religious policy, state-religious relations, Russian Orthodox Church, Belarus

For citation: Dontsev SP. Religious factor in the national security policy of Russia and Belarus: comparative analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:60-74. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-60-74

Введение

Понятие национальная безопасность сегодня является составной частью публичного дискурса политиков и государственных деятелей, оно используется в официальных документах президента, исполнительной и законодательной власти России, Беларуси и большинства государств постсоветского пространства. Как отметил академик РАН А. Кокошин, национальная безопасность, являясь производной от современной трактовки нации, становится категорией политической и социальной, т.е. понятие «нация» в современной политической реальности превращается де-факто в синоним государства (несмотря на все дискуссии по вопросам интерпретации понятия «нация» в академическом сообществе) [1 с. 7]. Обеспечение же внутренней и внешней безопасности является одной из важнейших функций государства. Может ли на реализацию этих функций влиять религиозный фактор? Сегодня этот вопрос приобретает особую актуальность. Ведь помимо традиционных угроз безопасности государства, связанных с внешней агрессией, нестабильностью политических институтов, демографическими и продовольственными проблемами и т.п., появляются новые угрозы, связанные с вызовами глобализации и меняющимися принципами мироустройства, в которых происходит актуализация религиозного фактора, оказывающего все большее влияние на политические и социальные процессы. Подобная актуализация может быть отнесена к новым вызовам, проявляющим себя в качестве различных угроз национальной безопасности современных государств. Россия и Беларусь не являются здесь исключением. Необходимость изучения влияния религиозного фактора на политику безопасности этих двух государств обуславливается их стратегическим союзом и, как сказано в Концепции внешней политики Российской Федерации, приоритетным курсом на расширение этого сотрудничества в рамках союзного государства и углубление интеграции между странами в рамках Евразийского экономического союза¹. Кроме того, две страны связаны многосторонними соглашениями о сотрудничестве в рамках СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, в которых вопросам безопасности также уделено не мало внимания.

Религиозный фактор в политике безопасности двух государств стал впервые фиксироваться в середине 90-х гг. прошлого века. Соответственно, в этот период он стал впервые и предметом науч-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 6.06.2019).

ного анализа в указанном контексте. Среди работ, посвященных данной проблематике, можно отметить исследования Козлова С.В., И.А. Тарасевича, Ю.В. Сластиной, А.В. Тонконогова, Ю.Г. Носкова, В.В. Пыж, С.И. Петрова и др. [2,3,4,5,6,7]. Большинство исследователей влияние религиозного фактора на политику безопасности России изучалось в рамках разработки концепции религиозной безопасности. Достаточно детально изучены ее особенности как политико-правового института, выделены ее основные характеристики (правовые, институциональные, системные), проанализирована государственная политика в области национальной безопасности Российской Федерации. Белорусские исследования более фрагментарны (здесь можно выделить в первую очередь исследования Старостенко В.В. [8,9]); отдельные аспекты указанной проблематики поднимаются в ряде коллективных монографий, посвященных вопросам национальной безопасности республики Беларусь [10,11,12]. При этом работ, посвященных попыткам сравнительного анализа религиозного фактора политики безопасности России и Беларуси, очень мало. Отдельные работы посвящены сравнениям концепций национальной безопасности двух государств, есть работы, посвященные более масштабной задаче изучения вопросов национальной безопасности Союзного государства России и Беларуси [13,14]. При этом остается нерешенной задача выявления общего и особенного в объектах политики национальной безопасности и угрозах национальной безопасности России и Беларуси в тех аспектах, где выявляется наличие религиозного фактора.

Религиозная и духовная безопасность

Сегодня понятие национальная безопасность можно рассматривать и как социально-политический феномен, и как правовую концепцию, и как философскую категорию. При этом религиозный фактор может выявляться в каждом из указанных аспектов национальной безопасности, но в контексте настоящего исследования интерес будут представлять первые два. Интерпретация понятия «национальная безопасность», как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз устоялось и прочно вошло в самые различные документы, концепции и стратегии двух государств. Соответственно, и религиозный фактор может проявлять себя в качестве составных частей различных угроз указанным объектам безопасности, но также он может выступать и как составная часть субъектов политики безопасности, призванных содействовать ее обеспечению. В этом проявляется

ся определенный дуализм – религиозный фактор может быть как субъективизирован, так и объективизирован.

Религиозный фактор как составная часть угроз национальной безопасности двух государств может рассматриваться в рамках концепции религиозной безопасности, а также концепции духовной безопасности. И.А. Тарасевич дает определение религиозной безопасности как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере» [3 с. 56]. Можно сказать, что религиозный фактор в политике национальной безопасности концептуализируется как феномен религиозной безопасности в его субъектно-объектном дуализме. Про духовную безопасность такого сказать нельзя. Термины «духовность», «духовно-нравственные ценности» и различные производные от них чрезвычайно широко используются в нормативно-правовых документах и дискурсе государственных деятелей и политиков России и Беларуси начиная с начала 90-х годов. Интерпретация этих терминов во многом зависит от мировоззренческих установок продуцента дискурса, в результате чего его смысловое наполнение может существенно меняться. В академической науке преобладает позиция о необходимости разграничения терминов «духовный» и «религиозный» – духовная сфера более широка и включает в себя многочисленные проявления культуры, в том числе и несвязанные с религией. Именно поэтому духовная безопасность в ее широком понимании включает в себя религиозную безопасность. Но при этом не каждый общественно-политический сюжет, связанный с актуализацией духовности (в контексте угроз этой духовности, ее защите или укрепления), автоматически подразумевает наличие религиозного фактора. При этом следует отметить, что крупнейшие религиозные организации двух государств (и в первую очередь Русская православная церковь) в своем публичном дискурсе, связанном с духовностью в мире социального и политического, наоборот, зачастую их смешивают – духовное становится синонимом религиозного (мы говорим сейчас не о богословском понимании этого вопроса, а о том, как он транслируется в публичном дискурсе), и соответственно угрозы в духовной сфере априорно переносятся и на религиозную сферу.

Правовые основания религиозной безопасности

Для выявления религиозного фактора в составе угроз безопасности стоит обратиться к концепциям и стратегиям национальной безопасности России и Беларуси.

В России к таким документам относятся концепции национальной безопасности Российской Федерации в редакциях 1997 и 2000 гг.; «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденная Указом президента 12 мая 2009 г., «Стратегия национальной безопасности», утвержденная 31 декабря 2015 г.. Каждый документ принимался как ответ на новые внутри- и внешнеполитические вызовы и угрозы. Так, концепция 2000 г. появилась в ответ на эскалацию напряженности на Северном Кавказе и усиление террористической угрозы; решение о разработке первой стратегии было принято в 2008 г. во время вооруженного конфликта в Южной Осетии; вторая стратегия 2015 г. появилась после присоединения Крыма и начала конфликта на востоке Украины. Религиозный фактор в качестве одного из поводов к разработке нового документа проявил себя только в 2000 г, в контексте обострения угроз, связанных с исламским радикализмом на Северном Кавказе. Во всех указанных документах религиозный фактор присутствовал. По сравнению с концепциями, носившими более декларативный характер, в Стратегии 2009 г. более четко определялись национальные приоритеты и вводилось понятие «угроза национальной безопасности». Во второй стратегии 2015 г. это понятие было упрощено, и сегодня оно определяется как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»².

В Беларуси же эволюция концепций национальной безопасности (всего было принято четыре ее редакции – 1995 г., 2001 г., 2005 и ныне действующая концепция 2010 г., в которую в 2011 и 2014 гг. были внесены поправки) с одной стороны также шла в русле расширения списка угроз, но принятие новых редакций не столь заметно было связано с особенностями белорусского политического процесса и появлением новых вызовов белорусской государственности, как это наблюдалось в России. Во всех редакциях концепции религиозный фактор присутствовал. Например, в последней редакции девять раз упоминается религиозная сфера и десять раз духовность³.

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 6.06.2019).

³ Указ президента республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения 6.06.2019).

Различные направления реализации политики национальной безопасности могут быть тесно переплетены друг с другом, и поэтому вопросы и сюжеты религиозной безопасности могут проявляться в самых разных областях безопасности и находить свое отражение в соответствующих документах. В России к их числу в первую очередь относится «Военная доктрина», «Доктрина информационной безопасности», «Основы государственной культурной политики», «Концепция общественной безопасности Российской Федерации».

Например, в «Военной доктрине» к наиболее опасным угрозам и вызовам относится «активность организаций деструктивного толка», которыми могут быть и религиозные. В «Доктрине информационной безопасности» в числе основных угроз обозначено «информационное воздействие на население России в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей», говорится об угрозе разжигания религиозной ненависти либо вражды, пропаганде экстремистской идеологии. («Концепция общественной безопасности Российской Федерации», 2013 г.) Составной частью определения концепта «общественная безопасность» является состояние защищенности «духовных ценностей общества» (ст. 4 Концепции)⁴.

В Беларуси вопросы религиозной безопасности проработаны в значительно меньшем количестве документов. Положения Концепции национальной безопасности в военной сфере также развиваются в Военной доктрине Беларуси, в которой, что показательное, в одном из четырех упоминаний религиозного аспекта военной безопасности допускается, что внутренний вооруженный конфликт может стать следствием эскалации за счет обострения религиозных противоречий⁵. В Доктрине информационной безопасности, принятой в 2019 г., единственное упоминание религиозного фактора носит сугубо декларативный характер – «уважительное отношение ко всем традиционным религиям и вероисповеданиям», при этом духовность в различных контекстах упоминается четыре раза⁶.

⁴ Концепция общественной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения 6.06.2019).

⁵ Военная доктрина Республики Беларусь. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/doktrina/ (дата обращения 6.06.2019).

⁶ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Утверждена Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18.03.2019 № 1. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf (дата обращения 6.06.2019).

Угрозы национальной безопасности

Для сравнения религиозного фактора в политике национальной безопасности следует оценить, как он проявляется в угрозах безопасности. С одной стороны, действительно, практически все составляющие конституционного строя государства, все общественные институты, а также индивидуальные права и свободы могут становиться объектами угроз, источником которых является религиозная сфера. Другое дело, что эти угрозы могут быть потенциальными и реальными. И в данном случае интерес будет представлять, как государства видят и оценивают подобные угрозы, насколько они представляются значимыми и достойными артикуляции.

На основе анализа концепций и стратегий различных типов безопасности двух государств, можно выделить следующие общие для России и Беларуси угрозы, в которых проявляется религиозный фактор: 1) религиозный экстремизм и преступления, сопряженные с применением насилия и имеющие религиозную мотивацию; 2) прозелитизм нетрадиционных для российского и белорусского общества религиозных объединений (т. н. деструктивные культы), представляющие угрозу для личности и общества; 3) размывание традиционных духовно-нравственных ценностей и потеря религиозной идентичности.

Специфика России заключается в наличии ключевой угрозы, которая отсутствует в Беларуси, в виде этно-религиозного сепаратизма, когда религиозная и этническая самоидентификации народов соединяются и выступают ценностным основанием для формирования сепаратистских взглядов и последующей деятельности, результатом которой могут являться этно-религиозные конфликты. Наличие в России национально-территориальных образований с очагами этно-религиозной напряженности актуализирует значимость религиозного фактора в качестве составной части угрозы территориальной целостности государства.

К предыдущей угрозе, которая также более актуальна для России, примыкает также и угроза межрелигиозных конфликтов. Не смотря на то, что российское и белорусское общество являются поликонфессиональными, конфликтный потенциал российского, в силу наличия очагов этно-религиозной напряженности в национально-территориальных образованиях, является более высоким.

Остановимся также чуть более подробно на общих для двух государств угрозах, в которых проявлен религиозный фактор. Если говорить о религиозном экстремизме (который может быть и не сопряжен с насилием) и религиозно-мотивированном насилии, необходимо отметить, что, хотя оба государства и обоз-

начают их в качестве приоритетных угроз и основывают свою политику в области безопасности на противодействии им, тем не менее, присутствуют и существенные отличия в их понимании. Для России одним из наиболее значимых проявлений экстремизма является исламский религиозно-политический экстремизм. В последние годы в России регулярно проходят процессы о признании деятельности той или иной религиозной организации, группы или их информационных материалов и ресурсов экстремистскими. В подавляющем большинстве это проявления именно исламского экстремизма, хотя и другие религиозные объединения и их материалы оказываются признанными экстремистскими (например, получившее широкий общественный резонанс решение Верховного суда от 20 апреля 2017 г. о запрете и признании деятельности религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных отделений экстремистской).

В стратегиях национальной безопасности России в качестве наиболее значимых источников угроз выделяется религиозный экстремизм и преступные посягательства, направленных против личности. Понятие религиозного экстремизма более подробно раскрывается в Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, где оно определяется через «экстремистскую деятельность» и широкий перечень соответствующих деяний. Сюда же относятся и нормы Уголовного кодекса, где квалифицирующим признаком преступления является его совершение по мотивам религиозной ненависти или вражды. На сайте Минюста РФ в перечне ликвидированных или приостановленных некоммерческих организаций по основаниям, предусмотренным законом «О противодействии экстремистской деятельности», – 73 наименования, из них 26 являются либо религиозными организациями, либо религиозными группами⁷. Федеральный список экстремистских материалов, включает около 5000 наименований, в котором значительную часть составляют материалы религиозного содержания⁸, и он постоянно пополняется. Закон «О противодействии терроризму» (№ 35-ФЗ от 6 марта

⁷ Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения 6.06.2019).

⁸ Федеральный список экстремистских материалов / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения 6.06.2019).

2006) предусматривает регулярную публикацию ФСБ России списка организаций, признанных российскими судами террористическими. Сейчас в нем 30 организаций, и из них только пять не связаны с какой-либо религиозной традицией, все же остальные именно религиозные и исламистские⁹.

В Беларуси угроза религиозного экстремизма также существует, но противодействие ему на уровне законодательства идет с некоторым отставанием от российского. Согласно «Концепции национальной безопасности» одним из источников угроз Республики Беларусь является «формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости». В Беларуси только через пять лет после Российского – 4 января 2007 г. – был принят во многом похожий на российский закон «О противодействии экстремизму». В нем также значительное место уделено перечислению признаков этого деяния. В самом определении экстремизма (ст. 1) два раза присутствует религиозный фактор (его субъектами могут быть религиозные организации, а квалифицирующим признаком действий субъектов – разжигание религиозной вражды или розни). Ответственность за экстремизм в Беларуси была усилена в 2015 г.

С 2014 г. Комитетом государственной безопасности Беларуси публикуется «Перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической деятельности», он намного более обширен, чем российский: 389 организаций и 710 физических лиц¹⁰. Подавляющее большинство организаций связано с религией, но, в отличие от Российского списка, где основания для включения – решения российских судов, в белорусском перечне в качестве основания для включения фигурирует Санкционный перечень Комитета Совета Безопасности ООН, и, как следствие, в нем находятся организации, фактически вряд ли несущие угрозу Беларуси (как, например, Департамент Пропаганды и Агитации КНДР). Хотя согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 19. 08. 2006 № 1061 в этот перечень должны включаться организации на основании решений Верховного Суда о признании их

⁹ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими / Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения 6.06.2019).

¹⁰ Перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической деятельности / Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. URL: <http://kgb.by/ru/perechen-inf-ru/> (дата обращения 6.06.2019).

террористическими. Следует также отметить, что при анализе терактов, осуществленных на территории Беларуси с 1991 г. по настоящее время, не удалось выявить ни одного с религиозной мотивацией.

Угроза прозелитизма со стороны нетрадиционных для российского и белорусского общества религиозных объединений и угроза потери религиозной идентичности и размывания традиционных духовно-нравственных ценностей следует рассматривать комплексно, так как второе является следствием первого. Прозелитизм с точки зрения его критиков представляет угрозу не только для отдельной личности (вовлечение в деструктивные культы и т. п.), но и ведет к деградации традиционных ценностей и может привести к изменениям религиозной идентичности в масштабах всего общества. А если государство данную идентичность рассматривает как ценность (в России и Беларуси именно так и происходит), то и противодействие прозелитизму приобретает высшие смыслы, переводя его из плоскости межрелигиозной конкуренции в задачу нейтрализации угрозы национальной безопасности. Миссионерская деятельность (этот термин мы рассматриваем как синоним прозелитизма, как деятельность по вовлечению иных в свою веру, хотя ряд исследователей наделяет термин «прозелитизм» дополнительными негативными смыслами [3, с. 129] в России, в отличие от Беларуси, детально регламентируется. Идеи о том, что возможности ее осуществления для определенных религиозных объединений могут быть ограничены, активно обсуждались на протяжении 90-х гг. в российском и белорусском обществе. Крупнейшие религиозные организации, и в первую очередь РПЦ, были активными участниками этих дискуссий и затем стали субъектами политического процесса, способствуя тому, чтобы государство вводило правовые ограничения на деятельность отдельных (в первую очередь иностранных религиозных организаций) [15, с. 22–28]. В России этот процесс был более заметен и проявился на этапе разработки закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., который установил критерии соответствия статусу религиозной организации, в том числе и заградительный для иностранных миссионеров 15-летний срок существования организации на территории России (эта норма была отменена только в 2015 г.). В 1999 г. Конституционный суд Российской Федерации постановил, что государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы «воспрепятствовать миссионерской деятельности», и перечислил условия, являющиеся угрозами безопасности личности¹¹.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 N 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого

В 2016 г. в закон была введена глава, детально регулирующая миссионерскую деятельность и вводящая ряд ограничений на ее проведение, в том числе для иностранных граждан. В главе также дан обширный перечень целей (которые могут расцениваться как угрозы личности, обществу и государству), следование которым является основанием для запрета миссионерской деятельности¹². Отсутствие подобных норм, регламентирующих миссионерскую деятельность в Беларуси, отчасти компенсируется иными положениями белорусского закона «О свободе совести и религиозных организациях» – необходимостью государственной регистрации всех субъектов религиозной деятельности, требованием, чтобы руководителем религиозной организации был только гражданин Беларуси. Кроме того, отдельно оговаривается регистрация религиозных общин, исповедующих новое вероучение, которые должны приложить обширные сведения об его основах и культовой практике, «об отношении к браку и семье, образованию, исполнению государственных обязанностей, получению медицинской помощи». Очевидно, что подобные сведения позволяют оценить степень потенциальных угроз государству, обществу и личности и принять на основе этого соответствующее заключение¹³. Кроме того, в этом аспекте угроз национальной безопасности российская специфика опять проявилась в наличии регионального законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность, в отдельных субъектах федерации.

пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25180/ (дата обращения: 6.06.2019).

¹² Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения 6.06.2019).

¹³ Закон Республики Беларусь № 2054-XII от 17.12.1992 «О свободе совести и религиозных организациях». URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/199/2002 (дата обращения 6.06.2019).

Вывод

Подводя итоги, можно сказать, что религиозный фактор в политике безопасности России и Беларуси имеет много схожего, и в первую очередь в контексте внутренних и внешних угроз, стоящих перед государствами. Религиозная безопасность как правовая категория отсутствует в законодательстве двух государств, но связанные с ней вопросы и соответствующие правовые нормы широко представлены в нормативно-правовых документах двух государств. Само же понятие «религиозная безопасность» через угрозы, связанные с религиозной сферой, раскрывается в концепциях и стратегиях национальной безопасности. Однако если в России эволюция смыслового наполнения этих документов коррелирует с новыми вызовами, стоящими перед государством, то в Беларуси подобного не наблюдается. Специфика реакции на угрозы, связанные с религиозной сферой в России, определяется особенностями ее территориального устройства, наличием угроз, связанных с этно-религиозным сепаратизмом, и религиозно мотивированным терроризмом. Среди угроз национальной безопасности, связанных с религиозным фактором, наибольшую актуальность для двух государств представляет угроза религиозного экстремизма, противодействию которой и Россия, и Беларусь уделяют повышенное внимание. Однако в России противодействие этой угрозе более детально регламентируется. В России и Беларуси выработаны механизмы противодействия миссионерской деятельности, представляющей в определенных случаях угрозу для государства. Также во многом схоже два государства артикулируют угрозы потери религиозной идентичности и размывания традиционных духовно-нравственных ценностей.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31297.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31297.

Литература

1. Кокошин А.А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 5–19.
2. Козлов С.В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности»: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 138 с.

3. *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2016. 376 с.
4. *Сластилина Ю.В.* Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: Дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2006. 215 с.
5. *Тонконогов А.В.* Обеспечение духовной безопасности в современной России. М.: Академия управления МВД России, 2011. 211 с.
6. *Носков Ю.Г.* Социально-философский анализ воздействия религиозного фактора на национальную безопасность: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 332 с.
7. *Пыж В.В., Петров С.И.* Религиозный фактор и проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2018. № 12 (40). С. 1173–1188.
8. *Старостенко В.В.* Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография. Могилев: УО «МГУ им. А.А.Кулешова», 2011. 272 с.
9. *Старостенко В.В.* Религия и свобода совести в контексте реализации идеологии Белорусского государства и обеспечения национальной безопасности // Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека. Минск: Белорусская наука, 2011. С. 369–383.
10. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О.А. Павловская [и др.]; под ред. О.А. Павловской. Минск: Беларус. навука, 2010. 519 с.
11. Национальная безопасность Республики Беларусь: Современное состояние и перспективы / Мясникович М.В., Никитенко П.Г., Пузиков В.В. и др. Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. 562 с.
12. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.]; под ред. М.В. Мясниковича, Л.С. Мальцева. Минск: Беларус. навука, 2011. 557 с.
13. *Якушов С.С.* Национальная безопасность союзного государства Беларуси и России: конституционно-правовые проблемы. М.: Изд-во РГТЭУ, 2006. 199 с.
14. *Якушов С.* Общее и особенное в концепциях национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь // Закон и право. 2007. № 8. С. 9–12.
15. *Донцев С. П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. Москва: РГГУ, 2014. 230 с.

References

1. Kokoshin A.A. National interests, reality of sovereignty, and national security. *Voprosy filosofii*. 2018;10;5-19 [In Russ.]
2. Kozlov S.V. *Mechanisms of Law of providing religious liberty*: Dissertation for Cand. Of Sci. (Law), Rostov-on-Don. 2016. 138 p. [in Russ.]
3. Tarasevich I.A. *Constitutional and law bases of religious liberty of Russian Federation*: Dissertation for Doct. Of Sci. (Law). Tyumen. 2016. 376 p. [In Russ.]
4. Slastilina Yu.V. *Freedom of conscience in Russian Federation: regulation by law and providing of religious security*: Dissertation for Cand. Of Sci. (Law). Archangelsk. 2016. 215 p. [In Russ.]

5. Tonkogolov A.V. *Provision of spiritual security in contemporary Russia*. Moscow: Akademia upravleniya MVD Rossii Publ.; 2011. 211 p. [In Russ.]
6. Noskov Yu.G. *Social and philosophical analysis of influence of religious factor on national one*: Dissertation for Cand. Of Sci. (Law) Moscow. 2000. 332 p. [In Russ.]
7. Pyzh V.V., Petrov S.I. Religious factor and problems of provision of national security in Russian Federation. *Voprosy politologii*. 2018;12(40);1173-1188 [In Russ.]
8. Starostenko V.V. *Religion and freedom of conscience in Belarus: essays on history: monography*. Mogilev: UO "MGU im. A.A. Kuleshova" Publ. 2011. 272 p. [In Russ.]
9. Starostenko V.V. Religion and freedom of conscience in context of realization of ideology of Belorussian state and provision of national security. V: *Moral and Spiritual values in formation of modern man*. Minsk: Belorusskaya Nauka Publ. 2011. P.369-383 [In Russ.]
10. Pavlovskaya OA., ed. *Security of Belarus in sphere of humanities: socio-cultural and religious-moral problems*. Minsk: Belarusskaya navuka. 2010. 519 p. [In Russ.]
11. Myasnikov M.V., Nikitenko P.G., Puzikov V.V. *National security of Republic of Belarus: contemporary state and perspectives*. Minsk: IOOO "Pravo i ekonomika" Publ.; 2003. 562 p. [In Russ.]
12. Myasnikov M.V., Maltsev L.S., eds. *National security of Republic of Belarus*. Minsk: Belarusskaya navuka. 2011. 557 p. [In Russ.]
13. Yakushov S.S. *National security of united state of Belarus and Russia: constitutional and law problems*. Moscow: RGTEU Publ.; 2006. 199 p. [In Russ.]
14. Yakushov S.S. Common and specifics in concepts of national security of Russian Federation and Rebunlic of Belarus. *Zakon i pravo*. 2008;8;9-12. [In Russ.]
15. Dontsev S.P. *Russian Orthodox Church and the state at the turn of XX–XXI centuries: problems of interplay*. Moscow: RGGU Publ. 2014. 230 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Cand. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; dontsev@gmail.com